

ТЭОРЫЯ І МЕТАДАЛОГІЯ КНІЖНАЙ КУЛЬТУРЫ

Кишиштоф Мигонь, Лариса Довнар

О НАУЧНЫХ ШКОЛАХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ КНИГОВЕДЧЕСКИХ ШКОЛАХ (ПАМЯТИ КАРОЛЯ ГЛОМБЁВСКОГО И РОБЕРА ЭСТИВАЛЯ)

Статья посвящена актуальной теме современных исследований, связанной с особенностями формирования научных книговедческих школ, их вкладом в развитие национальной и мировой науки о книге, раскрытие которой позволяет уточнить некоторые теоретические и методологические подходы, важные для представления более полной картины всеобщей истории книговедения и ее историографии.

Обращается особое внимание на основателя уникального вроцлавского центра библиологических исследований и польской библиологической школы Кароля Гломбёвского (1913–1986), автора фундаментальных работ по истории и теории книги и чтения, а также методологии книговедения, и на достижения французского учёного Робера Эстиваля (1927–2016), впервые введшего в библиологию понятие «национальной научной школы», организовавшего Международную ассоциацию библиологии (1988). Тем самым отдается дань памяти великим книговедам, труды и идеи которых, получившие широкую европейскую известность, служат продолжением традиций их национальных школ, концептуальным направлением для развития книговедения в других странах.

Вопрос «научных школ» как понятие, обозначающее отличие и своеобразие в представлениях основных понятий и способ их интерпретации (толкования), появился сначала в рамках философии и богословия. Философские школы греческой и римской античности или различные школы понимания («критики») священных текстов (книг) иудаизма и христианства, ислама и других религий служат тому примером. На раннем эта-

пе развития философской и научной мысли и в наследовании – становлении отдельных научных школ определились их главные черты; стали понятны обусловленности, необходимые для их возникновения и существования. Не будем здесь ссылаться на обильную науковедческую литературу по этому вопросу, в которой можно найти концептуальные объяснения с позиций теории науки, как явления, а также богатый исторический материал, касающийся как науки в целом, так и отдельных научных дисциплин.

Безусловно, выступая как исследовательская категория «научная школа» предполагает комплексное рассмотрение данной науковедческой проблемы, требует системного подхода, в котором при выделении форм или типов научных школ, их существенных признаков и функций будут иметь основополагающее значение особенности формирования непосредственно самой научной дисциплины, а также её особенности в том или ином регионе, стране, складывающиеся и представляющие отдельные национальные школы, их лидеров.

В современных исследованиях по разработке теории формирования научной школы и методики ее идентификации подчеркивается важность существования научных школ как для социогуманитарных и библиотечно-информационных наук, так и особенно, отметим, они необходимы в области книговедения. «Именно научные школы могут стать основным “звеном” развития научной дисциплины, позволяя молодым ученым свободно выбирать себе учителя, научную идею, этические принципы» [4, с. 321]. С другой стороны, для формирования научной школы, как отмечают исследователи, «необходимы два основных условия: зрелость научной дисциплины и наличие лидера, способного объединить вокруг себя учеников, “заразить” их своими идеями» [5].

Исходным пунктом для представления научных школ (а также дискуссии о них) в любой дисциплине науки является вопрос о предмете её исследований, поскольку эта основная теоретическая проблема определяет суть и картину данной дисциплины. Из этого вытекают и содержание исследований, и детальные вопросы, и основная структура изучаемой проблематики, и т. д. Столь же важными являются подход к предмету, способ его изучения, в более широком плане – общая методология исследований.

Почти в каждой научной дисциплине выступают дифференцированные взгляды на объект и общий предмет, а также на частные предметы отдельных субдисциплин. Наличие разных концепций вытекает из разного понимания объекта исследований, познавательных и/или прикладных задач дисциплины, её содержания и потенциала, принятых (часто *a priori*) моделей и парадигм науки и многих других причин. Большую роль играет традиция, авторитеты, именно научные школы (в том числе т. н. национальные научные школы). Такая ситуация чаще всего появляется в группе гуманитарных и общественных наук, где под тем же названием выступают в действительности разные по существу науки; бывает и наоборот – близкие друг другу вопросы названы иначе (разными терминами). Также термины и определения на различных языках сравнимы часто лишь на уровне простой лексики, но не семантики.

Соавтор этой статьи уже десять лет тому назад, представляя особенности восточноевропейского книговедения, заметил: «Так как во всех школах, также в научных, первостепенную роль играют учителя и ученики, последние превращаются в учителей (мистров), следующих поколений учеников. Следовательно: сущность научной школы – это традиция, преемственность, впрочем, неоднократно прекращённая. Научные школы имеют своих основоположников, свои авторитеты, которые влияют на развитие и состояние науки не только объективными результатами исследований, новизной и оригинальностью научной мысли или объёмом и содержанием сочинений, но также моральным обликом, гражданскими заслугами, вненаучными обязанностями. Научная школа часто – но не всегда – связана с каким-либо учреждением – вузом, исследовательским институтом, библиотекой, издательством, музеем. Иногда имеет исключительно виртуальный характер. И ещё одно: понятие (данной) научной школы имеет порой субъективную (убеждения сторонников), порой объективную природу (свидетельства конкретных фактов)» [37, с. 10–11]. Эти наблюдения касаются всего пространства науки.

Зрелость современного книговедения как науки выявляется и в том, что в его рамках развиваются и сосуществуют многие и разные течения, направления, подходы, иным образом понимаемые основные категории дисциплины, источники знаний,

выступают различия в применении исследовательских методов. Вместе с наступающей интеграцией дисциплины идёт процесс ее специализации и дифференциации; на почве определённых концепций и задач зарождаются научные школы различного типа, характера и ранга. Можно сказать, что почти все характеристики научных школ осуществляются также в книговедении. Важной чертой отдельных научных школ в мировом книговедении являются их дифференцированные взгляды не только на основной объект и предмет исследований, но также и на такие существенные параметры науки, как границы библиологического познания, исследовательский потенциал, достоверность представлений и интерпретаций, место в комплексе наук.

Определение предмета исследований в науке о книге особенно сложно. Первая большая сложность возникает в связи с тем, что само понятие *книга* «открыто» (см. концепцию Умберто Эко – *opera aperta* [24]), неточно, неясно как объект исследований. Некоторые его десигнаты можно определить с желанной в науке точностью, например, «рукописная книга» или «печатная книга», другие ещё точнее – как «инкунабул», но в целом объём и границы понятия «книга» размыты, нечёткие. В науке подобные ситуации встречается часто, например, определения таких понятий, как «культура», «литература», «искусство», «музыка», «фильм» не более точны чем «книга», однако, это не мешает штудировать эти явления в рамках соответственных, специальных наук.

Основой становления современной науки о книге стало книжное дело во всем своем многообразии. С одной стороны, в конце XVIII – начале XIX в. книговедение выделяется из библиографии как её углубление, расширение и уточнение, с другой стороны – зарождается в рамках вспомогательных исторических наук как история книгопечатания, история библиотек и книжных собраний, с течением времени появляется и общая история феномена «книга». Большое значение имели также практические вопросы издательского дела, оформления книги, библиотечного дела; очень важный для развития знаний о книге оказался опыт библиофильства.

Первым, как кажется, общим предметом исследований в области различных книжных знаний была затем история книг как

письменного явления, как средства сохранения и распространения письменности. Книга и её среда, книжное дело в целом – явление историческое, и тем объясняется также сегодня важность исторического направления в книговедении.

Позже наряду с исторической перспективой центром интереса в книговедческих знаниях стал текст книги, её письмо и язык. Значение филологического направления вытекает из очевидного факта, что именно в книгах закреплён язык и словесность, и что библиологические процессы (создание, циркуляция, восприятие книг) сосуществуют с языковыми и литературными.

Поскольку книга является фактом общественным, её исследование требует категорий социологических («книга в обществе», «общественная функция книги»), и предметом книговедения стали общественные связи и функции книги и книжного дела (в целом проблематика социологии книги, социологии библиотек, социологии читателя).

В библиологию понятие книговедческих школ ввели польский учёный Кароль Гломбёвский (Karol Głombiowski) и французский Робер Эстиваль (Robert Estivals).

Кароль Гломбёвский (1913–1986), крупный польский книговед, по образованию классический филолог, основатель и первый заведующий Кафедрой библиотековедения Вроцлавского университета (1956–1969), автор фундаментальных работ по истории и теории книги и чтения, а также методологии книговедения (важнейшие: *Вопросы истории чтения*, 1966; *Книга в процессе общественной коммуникации*, 1980; *Теория и методология науки о книге*, 1984 и 1985) [29, 31, 32], укоренил функциональную концепцию науки о книге и заложил основы для книговедческих исследований истории чтения [2].

В 1980-е гг., подытоживая свои достижения «на поле науки о книге», К. Гломбёвский задался разрешением вопроса о существовании вроцлавской, или польской, школы библиологии и сделал тем самым первый шаг к актуализации понятия «научная школа в книговедении», его содержания и сущностных признаков, выделив среди них основные и важнейшие для формирования и существования научных школ – это «продолжительность общности основных мнений и исследовательских методов» [30]. И действительно, слова ученого о том, что бу-

дущее подтвердит у представителей польской (вrocławской) книговедческой школы “trwałość wspólnoty podstawowych poglądów i metod naukowych” [30, с. 229–230], оправдались и получили дальнейшее развитие у продолжателей «школы К. Гломбёвского» – Казимиры Малечиньской, Кшиштофа Мигоня, Анны Жбиковской-Мигонь, Божены Коредчук и ряда их учеников [33].

Концепции К. Гломбёвского и сформулированные им парадигмы «библиологического мышления» постоянно находят в Польше и за рубежом своих последователей; многие осмысленно ссылаются на его наследие, а некоторые даже не знают, из какого источника черпают сведения. Библиологическая школа К. Гломбёвского стала на долгие годы основой польского книговедения в целом.

Понятие «национальной научной школы» намеренно и сознательно ввёл в библиологию Робер Эстиваль (1927–2016), профессор университета Бордо III (Bordeaux III). Такая категория появилась уже в первой (и основной) его теоретической работе «*La bibliologie*» (1987) [27], где вторая фаза становления «описательной библиологии» [bibliologie descriptive] (после 1848 г. – до Первой мировой войны) связана с разнообразием подхода к этой рождающейся науке у отдельных «народов центральной и балканской Европы, которые переживали процессы освобождения из-под австрийского, прусского, российского и оттоманского ига» [27]¹. Это разнообразие – по мнению Р. Эстиваля – «было заметно в чешской и словацкой странах, Румынии, Венгрии, Болгарии, Польше и также в Финляндии»²; в 30-е гг. XX в. «можно выделить, по крайней мере, два центра: один в России, второй в западной Европе»³.

Несколькими годами позже (1993) в энциклопедии «*Les sciences de l'écrit. Encyclopédie internationale de bibliologie*»,

---

¹ См. с. 11: «[...] vers l'Europe centrale et balkanique. Elle est liée à l'émancipation politique des peuples soumis au joug autrichien, prussien, russe et ottoman».

² Там же, с. 11: « [...] diversement en pays tchèque et slovaque, en Roumanie, en Hongrie, en Bulgarie, en Pologne et même en Finlande».

³ Там же, с. 12: «On peut reconnaître au moins deux foyers: l'un en Russie; l'autre en Europe occidentale». См. также: Леликова, Н. К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века / Н. К. Леликова. – Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2004. – 415 с.; Migoń, K. Особенности восточноевропейского книговедения и формирование национальных научных школ до Второй мировой войны // Knygotyra. – Vilnius, 2007. – Т. 48. – Р. 9–21.

Р. Эстиваль представил вместе с бельгийской, польской, российской, швейцарской французскую библиологическую школу, которая «бесспорно, одна из самых важных» [в мировом книговедении]. Все вместе они составляют европейскую континентальную школу библиологии – в отличие от англо-американской [27]⁴. Существенной разницей между ними является подход к взаимоотношениям библиографии и книговедения. Такая точка зрения] – это своего рода упрощение на основе одного примера, который требовал бы обширного объяснения; признаков, определяющих научные школы в книговедении значительно больше. С другой стороны – понимаем – энциклопедическое обобщение не может охватывать всего богатства многих, оригинальных по сути дела, национальных школ. Авторы этой статьи надеются не выйти за пределы основной концепции «национальных книговедческих школ» Р. Эстиваля и предлагают, в пользу полного охвата книговедения в мировом масштабе, не терять из поля зрения таких важных по поводу объёма достижений и сферы влияния национальных школ как – хотя бы – немецкой, итальянской, испанской (и иберо-американской), еврейской и др., не говоря уже о ближайших нам центрально- и восточноевропейских.

Следующим шагом Р. Эстиваля в развитии концепции «национальных книговедческих школ» стало осуществление подготовки антологии фундаментальных текстов по науке о книге, реализация которой зависела «очевидно, от национальных библиографий библиологии» [28]⁵. Благодаря этой инициативе удалось опубликовать “*Petite anthologie francophone de la bibliologie*” (1993) с текстами не только французских авторов, но также французскоязычных и переводных. Следовательно, оказалось, что понятие национальной школы можно расширить на языковую общность (в рамках одного языка – например, немецкий, испанский, или группы сходных языков – например, скандинавские).

Ещё позже появился у Р. Эстиваля – в характеристике польской школы книговедения – термин «международная библиологическая школа», понимаемый как активное участие нацио-

---

⁴ См. с. 265–267: «L'école bibliologique française est sans doute l'une des plus importantes avec les écoles bibliologiques [...]».

⁵ См. с. 6: «[...] dépend, inévitablement, des bibliographies nationales de la bibliologie [...]».

нальной школы в международных исследованиях [26]. Это уже уровень книговедческой компаративистики, порой глобального масштаба.

На необходимость выделения и изучения научных школ в книговедении обратили внимание также российские ученые: А. С. Григорьянц, выделивший школу И. Е. Баренбаума (СПбГУКИ) [3], М. В. Шабалина, рассматривающая развитие регионального книговедения в Сибири и на Дальнем Востоке [23], Т. В. Захарчук, исследовавшая научную школу в библиографоведении [4]. Например, М. В. Шабалина предлагает идентифицировать научную школу по функциональному принципу, т. е. на основании наличия в деятельности научной школы трех основных функций – образовательной, исследовательской, инновационной [23, с. 41], а также при помощи типизации научных школ, т. е. деления на научно-образовательные (МГУКИ, МГУП, СПбГУКИ и др.) и исследовательские (научно-исследовательские отделения крупнейших библиотек – РНБ, РГБ и др.). Национальной школой является российская школа книговедения, а школами-направлениями называются московская и петербургская [23, с. 42]. По мнению Т. В. Захарчук, нельзя жестко «привязывать» научную школу к какой-либо организации, так как, «крупные ученые работают одновременно и в научном отделе крупной библиотеки, и на соответствующей кафедре в вузе культуры» [4, с. 142]. Возможен и дистанционный характер школ, которые не имеют связи с каким-либо учреждением [4, с. 138]. Подводя итоги рассмотрения научных школ в книговедении, автор суммирует и перечисляет пять основных признаков их идентификации, основываясь на идеях, предложенных польскими учеными К. Гломбёвским и К. Мигонем (т. е. польской книговедческой школой): 1 – наличие лидера, 2 – наличие исследовательской программы, 3 – общность методов исследования, 4 – наличие нескольких поколений учеников (преемственность поколений), 5 – наличие традиций [4, с. 138]. Т. В. Захарчук не соглашается с выделенными в книговедении Е. Л. Немировским [17, с. 307–309] такими школами, как «скептическая», «социологическая», «функциональная», «системно-типологическая» и атрибутирует их как «научные направления, концепции, подходы, но не школы, так как ни одно из них, по ее мнению, не отвечает всем указанным са-

мими книговедами признакам школы как неформального (пусть и виртуального) научного коллектива» [4, с. 139].

Различные подходы к основным теоретическим вопросам книговедения: определение объектно-предметной области и методологии ее исследования, являются сущностными признаками выделения научных школ на разных этапах развития науки о книге. Названия научные школы могут получать как «именные», связанные с автором предложенной концепции, так и в зависимости от содержательной области представленной научной парадигмы. Национальную книговедческую школу, прошедшую в своем развитии различные этапы, могут представлять и различные научные школы. Одновременно, та или иная научная школа может иметь последователей и в других странах и приобретает международный характер. Это служит показателем взаимовлияния и взаимодействия национальных школ, одним из факторов развития науки на региональном или мировом уровне.

В рамках российской книговедческой школы, как известно, выделяются различные книговедческие концепции (или школы), нашедшие своих последователей на разных этапах развития науки о книге, в том числе и за рубежом. Среди наиболее известных авторов, предложивших свое видение «извечных» вопросов: что есть книговедение, какова его структура – Н. М. Лисовский (1854–1920). Представленная им трехсоставная формула «книгопроизводство – книгораспространение – книгоописание» [11] стала фундаментальной научной основой, на которую равнялись и в отношении которой вырабатывали свои позиции «не только в русской, но и в украинской, польской, чешской научной литературе» [36, с. 60]. Научные взгляды одного из основных критиков системы Н. М. Лисовского А. М. Ловягина (1870–1925), который предложил определение книговедения как науки о книге, являющейся орудием общения людей между собой [12, с. 3] и выделил в книговедении генетику (изучение истории книги), статику (изучение книги в описательном смысле), динамику (изучение книги во взаимодействии с читателем), послужили основанием для развития функциональной книговедческой парадигмы в Польше (К. Гломбёвский, К. Мигонь) и СССР (А. И. Барсук, Н. М. Сикорский, И. Е. Баренбаум).

В свою очередь, «функциональная школа», функциональный книговедческий подход к объекту, его широкое развитие содействовали дальнейшей актуализации в книговедении «социологической школы»: в Польше (К. Гломбёвского, А. Новицкого), Франции (Р. Эскарпи, Р. Эстиваль). Хотя «социологическая школа» имеет и свои корни, определяющиеся, к примеру, работами Н. А. Рубакина (1862–1946) (в России), Г. Радлинской (1879–1954) (в Польше), С. К. Брэдфорда (в Англии), П. Мейера-Дома (в Германии) [18, с. 16–17]. В рамках социологического направления получило развитие читателеведение или «читателеведческая школа» – М. И. Слуховский, Я. Я. Шафир, Д. А. Балика, Е. И. Хлебцевич, В. А. Невский, в разработку исторических и теоретических вопросов которого значительный вклад внес И. Е. Баренбаум⁶.

На базе функционального подхода сформировалась российская системно-типологическая концепция или «системно-типологическая школа» (А. А. Беловицкая, А. А. Гречихин, С. П. Омилянчук), истоки которой можно рассмотреть еще в работах М. Н. Куфаева (1888–1948), считавшего, что книговедение – «это не простой конгломерат знаний, а система их, объединенная общностью предмета <...>. Под книговедением мы разумеем систему знаний о книге, условиях и средствах ее существования и развития. Книговедение – наука в ее эмпирической и идеальной данности» [7, с. 38]. Безусловно, что в связи с этим важное значение имела дальнейшая эволюция формулировки определения книговедения, получившая закрепление и распространение в энциклопедических изданиях, в том числе специальных, в СССР, в союзных республиках (а позже – в отдельных странах), предложенная А. А. Сидоровым и Н. М. Сикорским в 1964 г.: «Книговедение есть комплексная наука о книге» [19, 20], уточненная и озвученная в 1971 г. Н. М. Сикорским и А. И. Барсуком: «Книговедение есть комплексная общественная наука о книге и книжном деле» [21, с. 8], в 1982 г. – под редакцией Н. М. Сикорского: «Книговедение: 1) комплекс родственных, тесно связанных, но относительно самостоятельных научных дисциплин обществ. цикла

---

⁶ Напр.: Баренбаум, И. Е. История читателя как социологическая и книговедческая проблема / И. Е. Баренбаум // История русского читателя. – Ленинград : ЛГИК им. Н. К. Крупской, 1973. – Вып. 1. – С. 5–19. См. также: вып. 2. 1976; вып. 3. 1979; вып. 4. 1982.

<...>. 2) Комплексная обществен. наука о книге и книжном деле, изучающая в историч., современном и прогнозирующем планах процессы создания, распространения и использования произведений письменности и печати в обществе» [6], в 1999 г. – Е. Л. Немировским: «Книговедение – комплексная наука (или комплекс наук) о книге и книжном деле» [17]. Современные представления о книговедении всё больше связываются с книжной культурой, которая выступает сегодня ведущей парадигмой научных исследований о книге, что получило отражение и в новейшей “Encyklopedii książki” («Энциклопедии книги»), изданной в двух томах в 2017 г. во Вроцлаве: «Библиология – наука о книжной культуре» [35], «Библиология (книговедение, наука о книге) – дисциплина, принадлежащая к области гуманитарных наук, предметом которой является мир книг как особая автономная группа фактов и процессов, связанных с закреплением письменных текстов, символических и наглядных изображений, а также с их функционированием в культуре и обществе» [34, с. 256].

Приведенные примеры позволяют увидеть то, что уже не единожды замечалось и было написано [1, 9, 10, 16, 18, 36] или будет написано в истории книговедения [15], а также развитие «персональных» книговедческих школ (М. Н. Куфаева [8], Н. М. Лисовского [14], А. М. Ловягина [13], Н. А. Рубакина [22], перечисление можно продолжить и по каждой из названных, хотя бы здесь – в нашей статье, фамилий ученых-книговедов). В тесной взаимосвязи с персоналиями деятелей книговедения – лидерами школ и их учениками, продолжающими и развивающими традиции, выступают вопросы развития национальных (не только в рамках государства⁷), региональных (как внутри государства [23], так и охватывающих несколько госу-

---

⁷ Напр.: Migoń, K. Księgoznawstwo ukraińskie w dwudziestolecu międzywojennym / K. Migoń // Studia o Książce. – Wrocław, 1970. – Т. 1. – С. 25–41; Koredczuk, B. Szkoła bibliologiczna / B. Koredczuk // Wrocławskie środowisko akademickie. Twórcy i ich uczniowie, 1945–2005. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2007. – С. 288–289; Герасімаў, В. Да праблемы гістарыяграфіі кнігазнаўства беларускага замежжа / В. Герасімаў // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры : зб. навук. арт. : у 2 ч. – Мінск, 2006. – Ч. 2. – С. 108–114; Довнар, Л. Белорусское книговедение и национальное возрождение 1920-х годов / Л. Довнар // Кныготыга. – Vilnius, 2007. – Т. 48. – С. 53–66; Ковальчук, Г. Франциск Скорина за публікаціямі вчених української діаспори 1920-х років / Г. Ковальчук // Бібліотечний вісник. – 2017. – № 3 (239). – С. 19–25.

дарств или народов [37]) и международных книговедческих школ.

Как видим, разработка и применение исследовательской категории «научная школа» представляет уникальную возможность выявления не только важнейших научных направлений в книговедении, но и их внутринаучных связей, взаимодействий и взаимовлияний, основанных на познании (обучении и воспитании), преемственности традиций и новаторстве, что, несомненно, служит осмыслению и укреплению науки о книге, ее перспективному развитию.

Литература и источники

1. Беловицкая, А. А. Книговедение. Общее книговедение : учебник / А. А. Беловицкая ; Моск. гос. ун-т печати. – Москва : МГУП, 2007. – 393 с.
2. Гломбёвский, К. Функциональная концепция науки о книге / К. Гломбёвский // Проблемы общей теории книговедения : сб. статей / под ред. и со вступит. ст. доктора ист. наук Е. Л. Немировского ; пер. с нем. и пол. яз. – Москва : Книга, 1978. – С. 25–43.
3. Григорьянц, А. С. Достойное пополнение / А. С. Григорьянц // История и перспективы библиотечного образования: к 70-летию ЛГИК им. Н. К. Крупской : сб. науч. тр. / ЛГИК им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1988. – С. 186–192.
4. Захарчук, Т. В. Научная школа в библиографоведении: теоретико-методологический аспект (05.25.03 – библиотековедение, библиографоведение и книговедение) : дис. ... д-а пед. наук / Т. В. Захарчук ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств». – Санкт-Петербург, 2013. – 546 с.
5. Захарчук, Т. В. Научные школы в области библиотечно-информационных наук / Т. В. Захарчук // Библиография. – 2012. – № 1. – С. 38–49.
6. Книговедение / коллектив авторов под ред. Н. М. Сикорского // Книговедение : энциклопедический словарь / редкол.: Н. М. Сикорский (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Сов. энцикл., 1982. – С. 253–257.
7. Куфаев, М. Н. Проблемы философии книги / М. Н. Куфаев. – Ленинград : Начатки знаний, 1924. – 72 с. (переиздано в 2004 г.).
8. Леликова, Н. Книговедческая школа Михаила Николаевича Куфаева / Н. Леликова // Knygotyra. – Vilnius, 2013. – Т. 60. – Р. 162–168.
9. Леликова, Н. Российская школа книговедения в первой трети XX века / Н. Леликова // Knygotyra. – Vilnius, 2007. – Т. 48. – Р. 37–52.

10. Леликова, Н. К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века / Н. К. Леликова. – Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2004. – 415 с.
11. Лисовский, Н. М. Книговедение как предмет преподавания, его сущность и задачи / Н. М. Лисовский // Библиографические известия. – 1914. – № 1/2. – С. 17–19.
12. Ловягин, А. М. Основы книговедения / А. М. Ловягин. – Ленинград : Кооперативное товарищество «Начатки знаний», 1926. – 164, II с.
13. Матвеева, И. Г. А. М. Ловягин и становление российского книговедения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Матвеева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петерб. гос. акад. культуры, 1997. – 16 с.
14. Меженко, Ю.А. Из архива русских книговедов / Ю. А. Меженко // Книга. Исследования и материалы. 1959. – Сб.1. – С. 268–281.
15. Мигонь, К. Историография науки о книге: концептуальные парадигмы К. Мигонь // Библиография. – 2017. – № 5. – С. 5–18.
16. Мигонь, К. Наука о книге. Очерк проблематики / К. Мигонь ; пер. с пол. О. Р. Медведевой, В. В. Молчановой, Р. Н. Смирновой. – Москва : Книга, 1991. – 198 с.
17. Немировский, Е. Л. Книговедение / Е. Л. Немировский // Книга : энциклопедия. – Москва : БРЭ, 1999. – С. 304–309.
18. Немировский, Е. Л. Труд Кшиштофа Мигоня и его место в литературе по общей теории книговедения / Е. Л. Немировский // Мигонь К. Наука о книге. Очерк проблематики / К. Мигонь ; пер. с пол. О. Р. Медведевой, В. В. Молчановой, Р. Н. Смирновой. – Москва : Книга, 1991. – С. 3–24.
19. Обсуждение назревших проблем советского книговедения // Книга. Исследования и материалы. – 1965. – Сб. 9. – С. 270–290.
20. Сикорский, Н. М. Книга и наука о книге / Н. М. Сикорский // Книга. Исследования и материалы. – 1965. – Сб. 11. – С. 5–16.
21. Сикорский, Н. М. Советское книговедение на современном этапе и его актуальные проблемы / Н. М. Сикорский, А. И. Барсук // Книга. Исследования и материалы. – 1972. – Сб. 23. – С. 5–18.
22. Сорокин, Ю. А. Почему живут и умирают книги?: Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты / Ю. А. Сорокин. – Самара : Самар. гуманит. акад., 1999. – 112 с.
23. Шабалина, М. В. Книговедение: опыт региональных изысканий : учебно-методическое пособие / М. В. Шабалина. – Москва : Либерея-Бибинформ, 2006. – 160 с. – (Сер. «Библиотекарь и время. XXI век» ; вып. 50).
24. Эко, У. Открытое произведение / У. Эко ; пер. с итал. А. Шурбева. – Москва : Академический проект, 2004. – 384 с.
25. Estivals, R. France: La bibliologie en France // Estivals, R. Les sciences de l'écrit : encyclopédie internationale de bibliologie / dir. R. Estivals. – Paris : Retz, 1993. – 576 p.

26. Estivals, R. Krzysztof Migoń et l'école bibliologique polonaise internationale / R. Estivals // *Revue de Bibliologie*. – 2009. – № 71. – P. 33–42.
27. Estivals, R. La bibliologie / R. Estivals. – Paris : Presses Universitaires de France 1987. – 128 p.
28. Estivals, R. Préface / R. Estivals // *Petite anthologie francophone de la bibliologie* / réd. R. Estivals. – Paris : Société de bibliologie et de schématisation, 1993. – P. 6.
29. Głombiowski, K. Książka w procesie komunikacji społecznej. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich ; Wydawnictwo PAN, 1980. – 181, [2] s. : il.
30. Głombiowski, K. Moja droga ku nauce o książce / K. Głombiowski // *Gdańskie zeszyty humanistyczne*. – 1987. – R. 26, № 30. – S. 217–234.
31. Głombiowski, K. Problemy historii czytelnictwa. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich 1966. – 149 s. : [9] k. tabl. – (Śląskie Prace Bibliograficzne i Bibliotekoznawcze / Wrocławskie Towarzystwo Naukowe ; m. 9).
32. Głombiowski, K. Teoria i metodologia nauki o książce. Wybrane zagadnienia. Gdańsk : Uniwersytet Gdański, 1984. – 215 s. – (Seria : Skrypty Uczelniane / Uniwersytet Gdański; Zawartość serii : Skrypty Uczelniane). – 2-е изд.: 1985 г.
33. Koredczuk, B. Szkoła bibliologiczna / B. Koredczuk // *Wrocławskie środowisko akademickie. Twórcy i ich uczniowie, 1945–2005*. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2007. – S. 288–289.
34. Migoń, K. Bibliologia / K. Migoń // *Encyklopedia książki : w 2 t. / pod red. A. Żbikowskiej-Migoń i M. Skalskiej Zlat*. – Wrocław : Wyd-wo Uniw. Wrocławskiego, 2017. – T. 1. – S. 256–257.
35. Migoń, K. Bibliologia – nauka o książce / K. Migoń // *Encyklopedia książki : w 2 t. / pod red. A. Żbikowskiej-Migoń i M. Skalskiej Zlat*. – Wrocław : Wyd-wo Uniw. Wrocławskiego, 2017. – T. 1. – S. 23–32.
36. Migoń, K. Nauka o książce. Zarys problematyki / K. Migoń. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. – 320 s.
37. Migoń, K. Особенности восточноевропейского книговедения и формирование национальных научных школ до Второй мировой войны / K. Migoń // *Knygotyra*. – Vilnius, 2007. – T. 48. – P. 9–21.

Summary

Krzysztof Migoń, Doŭnar Larysa. About Scientific Schools and National Schools of Book Science (In Remembrance of Karol Głombiowski and Robert Estivals)

The centuries-long evolution of bibliological thought resulted in the development of various research disciplines focused on the book world and the social book culture, e.g. bibliography, bibliophilia, librarianship/library science, typography, history of printing, theory and history of reading etc. With time, in many countries a relatively coherent framework of ‘central’ *book science (bibliology)* [French *science du livre*, German *Buchwissenschaft*, Russian *книговедение*] was built.

The discipline is however diverse in terms of research paradigms (historical, philological, sociological, related to information and communication etc.). The distinctiveness of book studies in different countries reflects traditions and dissimilar approaches to learning and hence, national schools of book science gradually evolved. This paper is dedicated to two outstanding scholars, Karol Głombiowski – a Pole (1913–1986) and Robert Estivals – a Frenchman (1927–2016) who both addressed the problem of scientific schools in respect to bibliology.

Наталья Леликова

**«РАССУЖДЕНИЕ О БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКЕ
И ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ БИБЛИОГРАФА»
ЖАНА ФРАНСУА НЭ ДЕ ЛЯ РОШЕЛЯ И НАУКА
О КНИГЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XVIII в.**

Проанализирован трактат о библиографии французского книгопродавца и библиографа XVIII в. Ж. Ф. Нэ де ля Рошеля. Трактат оказал значительное влияние на формирование библиографической науки, в связи с чем в данной статье предпринята попытка реконструировать развитие теории библиографии в Западной Европе и вписать концепцию Нэ де ля Рошеля в соответствующий исторический контекст. На основе анализа данного труда автор приходит к выводу об актуальности основных положений трактата французского книжника и в наши дни.

В Западной Европе на начальном этапе развития наука о книге складывалась преимущественно как дисциплина историческая. Осознавался ее подытоживающий характер, поэтому именно библиография воспринималась как основная книговедческая дисциплина — некая обобщающая наука, изучающая рукописную и печатную книгу как совокупность культурного наследия, накопленного человеческой цивилизацией.

Наглядно это проявилось еще в XVI в., в библиографическом труде известного ученого, специалиста в области естествознания, автора работ по биологии, минералогии, медицине, лингвистике Конрада Геснера (1515–1565) «Всеобщая библиотека, или Богатейший каталог всех писателей на трех языках: латинском, греческом и еврейском...» («Bibliotheca Universalis, sive Catalogus omnium scriptorum locupletissimus, in tribus linguis, Latina, Graeca et Hebraica...»). Этот труд был напечатан